

**РАЗДЕЛ II. КОМПЛЕКСНОЕ ПОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОГО
ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА**

**SECTION II. COMPLEX COGNITION OF THE MODERN
PERSON AND SOCIETY**

**АДАПТАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ ТРУДОВЫХ
МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕМ СООБЩЕСТВЕ**

DOI: 10.25629/НС.2021.03.07

Бабаева М.В., Константинов В.В.

Пензенский государственный университет

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00445 «Социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов в России: условия, факторы и механизмы»

Аннотация. В статье содержатся результаты теоретического и эмпирического анализа процесса адаптации трудовых мигрантов в принимающем сообществе, поднимается вопрос о культурной и социальной дистанции между трудовыми мигрантами и принимающим населением. По мнению авторов статьи, с помощью измерения социальной дистанции возможно сопоставить социальные общности и отдельных субъектов в социокультурном пространстве, определить их разобщенность или единение друг с другом. Авторы анализируют результаты эмпирического исследования, проведенного на территории Пензенской области, Свердловской области и республики Мордовия. Развивается мысль о том, что культурная и социальная дистанция являются близкими понятиями, и от их величины зависит интенсивность чувства неприязни, непринятия, отчужденности, испытываемых одними социальными группами по отношению к другим.

Ключевые слова: адаптация, социально-психологическая адаптация, интеграция, трудовые мигранты, принимающее сообщество, социальная дистанция.

Введение в проблему и обзор литературы

В современных условиях нестабильности, турбулентности, обусловленных экономическим кризисом, коронакризисом не просто не стихают, а, напротив, разыгрываются с новой силой проблемы трудовых мигрантов, межэтнических отношений, конкуренции на рынке труда. За последние десятилетия данная проблематика получила достаточно широкое освещение в трудах как отечественных, так и зарубежных авторов.

Общие вопросы адаптации, аккультурации и идентификации личности рассматриваются уже в ставших классическими трудах J.W. Berry [9; 10]. Феномены, характеризующие процесс адаптации иммигрантов в принимающем сообществе (ресурсы, социальная мобильность мигрантов, воспринимаемая дискриминация, психологическое благополучие, социальная дистанция и др.) рассмотрены в трудах таких современных исследователей как С.Д. Гуриева, В.В. Константинов, J. Asendorpf, A.P. Greeff, J. Holtzkamp, J. Hainmueller, D.J. Hopkins, K. Koiv, N. Krieger, F. Motti-Stefanidi, A. Masten [2; 3; 15; 16; 17; 18; 19]. Понятие «адаптация» в науке рассматривается с различных позиций: биологических, физиологических, психологических. Опуская общие формулировки данного феномена, обратимся сразу к социально-психологической адаптации личности в изменяющихся условиях среды.

При рассмотрении вопросов социально-психологической адаптации личности нельзя обойти стороной понятие интеграции (интегрированности), которое в самом общем смысле предполагает согласованность, непротиворечивость личности и окружающего социума. Отечественный ученый А.В. Петровский упоминает интеграцию в качестве завершающей фазы развития личности при вхождении ее в относительно устойчивую социальную сферу. В целом же данный автор выделяет три фазы этого процесса: адаптацию, индивидуализацию и интеграцию [5].

Адаптация подразумевает присвоение человеком действующих в группе норм, приемов и средств деятельности, при котором неизбежно происходит субъективно переживаемая потеря хотя бы части своих индивидуальных отличий, присутствует иллюзия «растворения в толпе».

Процесс индивидуализации, следующий за адаптацией, протекает достаточно остро в силу накаляющихся противоречий между потребностью «быть как все» и, в то же время, стремлением к максимальной персонализации.

Завершающая фаза интеграции также не лишена противоречий. Главное из них заключается в расхождении между желанием субъекта и его способностью быть идеально представленным в других, а также потребностью и желанием принимающей группы учитывать его индивидуальные качества, соответствующие групповым ценностям. Интеграция способствует формированию личностных новообразований, которые соотносятся с потребностями групповых изменений и потребностью личности внести свой вклад в развитие группы. Чаще всего интеграция происходит именно по данному сценарию (особенно если мы говорим об адаптации трудовых мигрантов в принимающем сообществе), однако, возможны случаи, когда не столько индивид подстраивается под потребности общности, сколько социальная группа изменяет свои потребности в соответствии с потребностями индивида, который в этом случае является несомненным лидером и задает вектор развития.

В течение жизни любого человека происходит постоянная реализация успешной или неуспешной адаптации, индивидуализации и интеграции, что является абсолютно нормальным и в конечном итоге приводит к складыванию устойчивой структуры личности.

В.А. Петровский ввел понятие неадаптивности, которое в его понимании лишено оттенка болезненных отклонений от общепринятой «нормы» и рассматривается, скорее, как феномен роста и развития возможностей человека, раскрывает принцип динамической организации личности [4].

Интересно и правомерно деление адаптации на макроуровень и микроуровень (адаптация к большой и малой группе), которое описала А.А. Цахаева [7], ведь действительно, если адаптация к различным малым группам осуществляется индивидом практически перманентно на протяжении всей жизни, то вот адаптация к большой социальной группе (другому государству, этносу) представляет уже не столь частое явление и неизбежно протекает более остро в силу своей большей экстраординарности, а также в силу более мощного давления со стороны сложившего и многочисленного принимающего сообщества.

Немаловажную роль в формировании социальной адаптации играют социальные институты, которые транслируют господствующие в данном обществе систему норм и ценностей и следят за их соблюдением с помощью установленных мер социального контроля [6].

При рассмотрении социально-психологической адаптации невозможно отделить психологический аспект от социального, поскольку адаптация является комплексным феноменом, даже несмотря на то, что социально-психологическая адаптация чаще рассматривается как один из видов социальной адаптации.

В реальной жизни различные виды адаптации невозможно изолировать друг от друга: социально-психологическая, социокультурная, этнокультурная адаптации тесно связаны друг с другом и протекают одновременно. В основе выделения различных видов социальной адаптации лежит объект адаптации. А также способ деятельности человека в социальной среде.

Так, если индивид и принимающая группа имеют социокультурные различия, то в этом случае мы будем скорее говорить о социокультурной адаптации. Потребность групп людей в социокультурной адаптации формируется в настоящее время под воздействием все нарастающих миграционных и урбанизационных процессов, а также развития межнациональных отношений [8].

Если говорить об этнокультурной адаптации, то ее особенностью является рассмотрение адаптации этнических общностей к изменению как естественной (природной), так и социальной среды.

Таким образом, можно сказать, что любые возможные определения «социально-психологической адаптации», несмотря на какие-то общие моменты, отражают отдельные стороны взаимодействия социальных систем с окружающей средой.

Множество трактовок в понимании сущности процесса адаптации можно объяснить тем, что в данном процессе контактируют две сложноустроенные системы: человек и окружающий его социум. Кроме этого, реальное взаимодействие двух адаптирующихся систем отнюдь не биполярно, в нем задействовано гораздо больше двух компонентов.

Общее для всех живых существ свойство адаптивности дает человеку гипотетическую возможность адаптироваться к социальным отношениям, приобрести чувство комфорта в изменившейся социокультурной среде. При этом индивидуальность каждого человека реализуется в прямой адаптации, отражая весь комплекс его социально обусловленных характеристик.

Что касается трудовых мигрантов, то их процесс адаптации чаще всего протекает в новом психологическом, культурном и этническом поле, что делает его очень сложным и затратным по ресурсам.

Среди мигрантов немало тех, кто плохо владеет языком принимающего сообщества, обладает низким уровнем образования и культуры. Однако, даже будучи максимально подготовленным к миграции, человек не застрахован от враждебного к себе отношения со стороны коренного населения. Именно поэтому важно рассмотрение процесса адаптации трудовых мигрантов как двоякого, в котором и принимающая сторона, и мигранты в одинаковой мере заинтересованы в успешности взаимного приспособления.

И тут мы вплотную подходим к понятиям культурной и социальной дистанции как весомым факторам в процессе адаптации мигрантов к иному социокультурному пространству. Как сложно отделить один вид адаптации от другого, так довольно проблематично четко разграничить культурную дистанцию от социальной. Так, если мы рассматриваем социальную дистанцию между этническими группами, то сразу примешивается и фактор разницы культур данных общностей.

Начнем с определения культурной дистанции. Изначально феномен культурной дистанции подмечен зарубежными психологами А. Фэрнхемом и С. Бочнером при исследовании дистрессов, возникающих у студентов, проходящих обучение в другой культуре. Данными авторами разработан индекс культурной дистанции (CDI), учитывающий реально существующие различия между культурами (в традициях, стиле одежды, проведении свободного времени, кухне и т.д.) [13, С. 121]. По мнению А. Фэрнхема и С. Бочнера, именно степень культурных различий между страной выхода и страной поселения мигрантов определяют величину культурной дистанции между группами, наличие неприязни и неприятия между ними [11]. Разделяют эту позицию И. Бабикиер и другие исследователи, предполагая, что степень одиночества и отчуждения в новой культуре и сопутствующие им дистрессы напрямую зависят от величины культурной дистанции между начальной культурой и культурой принимающей страны.

Понятие социальной дистанции получило статус научного термина после упоминания Т. Парком и П. Сорокиным. Вполне естественно то, что люди с разным статусом располагаются в разных местах социального пространства или, если по-другому сформулировать, дистанцированы друг от друга [1]. Однако здесь кроется противоречие, так как невозможно точно измерить социальную дистанцию между людьми, обладающими одновременно несколькими равнозначными статусами. Для нас особенно важно рассмотрение социальной дистанции не в

социологическом, а в психологическом ключе как характеристики личностных взаимоотношений отдельных индивидов и социальных групп. Измерение социальной дистанции позволяет определить статусную позицию, возможности социальных групп в общественном пространстве. В поликультурной, этнически разнородной среде социальная дистанция показывает статус этнических групп. Подвижность и размер социальной дистанции, пересечение характеристик различных групп выступают показателями «здоровья» общества: социального равенства, справедливости, социальной и этнической толерантности.

Организация исследования

В связи с вышесказанным мы считаем особенно актуальным исследование принимающего населения и групп трудовых мигрантов по показателю социальной дистанции, так как от него напрямую зависит уровень социальной и межэтнической напряженности в государстве и благополучие всех групп населения [11]. Ниже представим результаты эмпирического исследования, проведенного нами в мае-июне 2020 года на территории Пензенской области, Свердловской области, а также республики Мордовия. В исследовании приняли участие как коренные жители заявленных регионов, так и трудовые мигранты различной этнической принадлежности (таджикской, киргизской, узбекской) в количестве 205 человек. Возраст испытуемых различный: от 18 до 65 лет. Большую часть выборки составило принимающее население – 142 человека. Остальные (83 человека) – трудовые мигранты. Измерение социальной дистанции производилось с помощью методики «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса [12].

Результаты и обсуждение

Исследование показало, что максимальная социальная дистанция как у трудовых мигрантов, так и у принимающего населения имеется с гражданами Китая (32,5% респондентов рассматривают их либо только в качестве туристов, либо вообще не желают их присутствия ни в каком качестве в стране). Результат является в целом ожидаем, так как объективно культура Китая (по таким показателям как климат, одежда, язык, религия, пища, уровень образования, материальный комфорт, структура семьи и др.) являются наиболее «далекой» в сравнении с культурами других этногрупп, принявших участие в опросе.

Нами было обнаружено, что минимальная социальная дистанция присутствует между коренными жителями регионов с представителями армянского этноса (в целом 47% опрошенных представляют армян в кругу своего общения, в качестве соседей, а 13% респондентов готовы с ними породниться путем заключения брака). Такой результат, как нам представляется, возможен в силу достаточно высокого положения данной этнической группы на рынке труда: представители армянского этноса задействованы в основном в высокооплачиваемом квалифицированном труде. Не стоит исключать и христианство как общую религию для армянского и русского этносов, исторически сложившуюся близость народов и т.д.

Что касается опроса самих мигрантов, то их результаты во многом повторяют данные по принимающему населению. Трудовые мигранты видят наименьшую культурную дистанцию между собой и представителями русского этноса (67,5% готовы близко общаться с принимающим населением). Что касается культурной дистанции трудовых мигрантов с армянами, узбеками и таджиками, то она тоже довольно коротка (около 40-45% опрошенных готовы к тесным контактам с представителями данных этнических групп). Граждане же Китая и в случае трудовых мигрантов рассматриваются ими как этнос с наибольшими культурными различиями, а, следовательно, с наибольшей из всех рассмотренных случаев социальной дистанцией. Но и представленность китайского этноса в регионах, на территории которых проводилось исследование, значительно меньше, чем других вышеупомянутых этногрупп.

Выводы и заключение

Таким образом, эмпирическое исследование еще раз показало несомненную обратную связь между величиной социальной дистанции и желанием иметь контакты с представителями той или иной социальной группы. Однако в многонациональном государстве необходимо не просто учитывать подобный факт, а использовать полученные данные в ходе помощи как мигрантам, так и принимающему населению в осуществлении комфортного соседства и трудовой

деятельности. Мигранты в первое время часто испытывают так называемый «стресс аккультурации», не способны, а иногда и не хотят быстро изменять свое поведение в соответствии с требованиями новой среды [9]. Источником возникающих проблем могут служить психологические особенности самих мигрантов, позиция принимающего сообщества, ситуация, в которой происходит межкультурное взаимодействие. По сути, сами различия в культуре, религии, языке, здесь не причем, хотя часто эмпирически выступают маркером существующих противоречий в обществе. Идеальным вариантом адаптации в новом сообществе будет выступать именно интегрированная личность, прошедшая идентификацию с новой культурой, но при этом не потеряв и свою. Пусть эта лаконично озвученная цель и не так просто достижима в современных экономических, социальных и геополитических реалиях, однако главное обозначить правильных вектор движения и скоординировать цепочку шагов для достижения поставленной цели.

Библиография

1. Ильин В. И. Социальное неравенство = Social inequality. – М.: Ин-т социологии РАН, 2000. – 280 с.
2. Константинов В. В., Бабаева М. В. Трансформация этнической идентичности мигрантов-армян, вовлеченных и не вовлеченных в деятельность национально-культурной автономии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2020. – Т.17. – №1. – С.128-142.
3. Константинов В.В., Осин Р.В. Отношение принимающего населения к трудовым мигрантам: представления, взгляды, социальная дистанция // Нижегородский психологический альманах. – 2020. – №2. – С.15.
4. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. – М.: РОУ, 1992. – 224 с.
5. Петровский А. В., Абраменкова В. В., Горбатенко Т. М. и др. Психология развивающейся личности; Под ред. А. В. Петровского; НИИ общ. и пед. психологии АПН СССР. – М.: Педагогика, 1987. – 238 с.
6. Фалилеев В. В. Психологическая адаптация человека (практические советы). – Кемерово: Кемеровский ТИ, 2003. – 177 с.
7. Цахаева А. А. Развитие адаптивного поведения в образовательном этнопространстве: диссертация ... доктора психологических наук: 19.00.07. – Махачкала, 2002. – 508 с.
8. Шпак Л. Л. Социокультурная адаптация в советском обществе. – Красноярск: Изд-во Краснояр. Ун-га, 1991. – 232 с.
9. Berry, J. W., Phinney, J. S., Sam, D. L., & Vedder, P. (Eds.). (2006). *Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity, and adaptation across national contexts*. Lawrence Erlbaum Associates Publishers.
10. Berry J.W. Immigration, acculturation and adaptation // *Applied psychology*, V. 46, 1997. – P. 5-34.
11. Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations / *Cultures in contact* / S. Bochner. – Oxford, Pergamon Press, 1982. – P. 5-44.
12. Bogardus E.S. Measuring social distance // *J. of Applied Sociology*. 1925. – P. 299-308.
13. Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. – L. & N.Y., 1986.-P. 220.
14. Gauthier G., Hill P., McQuillan J., Spiegel A., Diamond J. The Potential Scientist’s Dilemma: How the Masculine Framing of Science Shapes Friendships and Science Job Aspirations. *Social Sciences*.2017,6,14.
15. Greeff A.P., Holtzkamp J. The Prevalence of Resilience in Migrant Families. *Fam. Community Health* 2007, 30, 189–200.
16. Gurieva S., Koiv K., Tararukhina O. (2020). Migration and Adaptation as Indicators of Social Mobility Migrants. *Behavioral Sciences*, 10(1), 30. doi:10.3390/bs10010030

17. Hainmueller J., Hopkins D.J. Public Attitudes toward Immigration. *Annu. Rev. Polit. Sci.* 2014, 17, 225–249.

18. Krieger N. Methods for the Scientific Study of Discrimination and Health: An Ecosocial Approach. *Am. J. Public Health* 2012, 102, 936–944.

19. Motti-Stefanidi F., Asendorpf J., & Masten A. (2012). The adaptation and well-being of adolescent immigrants in Greek schools: A multilevel, longitudinal study of risks and resources. *Development and Psychopathology*, 24(2), 451-473. doi:10.1017/S0954579412000090

20. Schmitt M.T., Branscombe N.R., Postmes T., Garcia A. The consequences of perceived discrimination for psychological well-being: A meta-analytic review. *Psychol. Bull.* 2014, 140, 921–948.

21. Wong D., Amon K.L., Keep M. Desire to belong affects Instagram behavior and perceived social support. *Cyberpsychol. Behav. Soc. Netw.* 2019, 22, 465–471.

Бабаева Марина Владимировна. E-mail: m.verschinina2010@yandex.ru

Константинов Всеволод Валентинович. E-mail: konstantinov_vse@mail.ru

ADAPTATION PROCESS AND SOCIAL DISTANCE OF LABOR MIGRANTS IN THE RECEIVING COMMUNITY

DOI: 10.25629/HC.2021.03.07

Babaeva M.V., Konstantinov V.V.

Penza State University

This work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 20-013-00445 "Social and psychological adaptation of labor migrants in Russia: conditions, factors and mechanisms"

Abstract. The article contains the results of theoretical and empirical analysis of the process of adaptation of labor migrants in the receiving community, raises the question of the cultural and social distance between labor migrants and the receiving population. According to the authors of the article, by measuring social distance, it is possible to compare social communities and individual subjects in the socio-cultural space, to determine their disunity or unity with each other. The authors analyze the results of an empirical study carried out in the Penza region, Sverdlovsk region and the Republic of Mordovia. The idea is being developed that cultural and social distance are close concepts, and the intensity of feelings of hostility, rejection, alienation experienced by some social groups in relation to others depends on their magnitude.

Key words: adaptation, socio-psychological adaptation, integration, labor migrants, host community, social distance.

References

1. Ил'ин В. И. *Социальное неравенство = Social inequality* [Social inequality = Social inequality]. - Moscow: Institute of Sociology RAS, 2000. 280 p.

2. Konstantinov V. V., Babaeva M. V. [Transformation of the Ethnic Identity of Armenian Migrants Involved and Not Involved in the Activities of National Cultural Autonomy]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika*. 2020. Vol. 17. No1. P.128-142. In Rus.

3. Konstantinov V.V., Osin R.V. [Attitude of the host population to labor migrants: perceptions, views, social distance]. *Nizhegorodskii psikhologicheskii al'manakh*. 2020. No2. P. 15. In Rus.

4. Petrovskii V. A. *Psikhologiya neadaptivnoi aktivnosti* [The psychology of maladaptive activity]. Moscow: ROU, 1992. 224 p.
5. Petrovskii A. V., Abramenkova V. V., Gorbatenko T. M. et al. *Psikhologiya razvivayushchei sya lichnosti* [Developing personality psychology]. Moscow: Pedagogika, 1987. 238 p.
6. Falileev V. V. *Psikhologicheskaya adaptatsiya cheloveka (prakticheskie sovety)* [Psychological adaptation of a person (practical advice)]. Kemerovo: Kemerovskii TI, 2003. 177 p.
7. Tsakhaeva A. A. *Razvitie adaptivnogo povedeniya v obrazovatel'nom etnoprostranstve: dissertatsiya ... doktora psikhologicheskikh nauk* [Development of adaptive behavior in the educational ethnospace. Dis. doct. psychol. sci.]. Makhachkala, 2002. 508 p.
8. Shpak L. L. *Sotsiokul'turnaya adaptatsiya v sovetskom obshchestve* [Sociocultural adaptation in Soviet society]. – Krasnoyarsk: Publishing house of Krasnoyarsk University, 1991. 232 p.
9. Berry, J. W., Phinney, J. S., Sam, D. L., & Vedder, P. (Eds.). (2006). *Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity, and adaptation across national contexts*. Lawrence Erlbaum Associates Publishers.
10. Berry J.W. Immigration, acculturation and adaptation // *Applied psychology*, V. 46, 1997. – P. 5-34.
11. Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations / *Cultures in contact* / S. Bochner. – Oxford, Pergamon Press, 1982. – P. 5-44.
12. Bogardus E.S. Measuring social distance // *J. of Applied Sociology*. 1925. – P. 299-308.
13. Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. - L. & N.Y., 1986.-P. 220.
14. Gauthier G., Hill P., McQuillan J., Spiegel A., Diamond J. The Potential Scientist's Dilemma: How the Masculine Framing of Science Shapes Friendships and Science Job Aspirations. *Social Sciences*.2017,6,14.
15. Greeff A.P., Holtzkamp J. The Prevalence of Resilience in Migrant Families. *Fam. Community Health* 2007, 30, 189–200.
16. Gurieva S., Koiv K., Tatarukhina O. (2020). Migration and Adaptation as Indicators of Social Mobility Migrants. *Behavioral Sciences*, 10(1), 30. doi:10.3390/bs10010030
17. Hainmueller J., Hopkins D.J. Public Attitudes toward Immigration. *Annu. Rev. Polit. Sci.* 2014, 17, 225–249.
18. Krieger N. Methods for the Scientific Study of Discrimination and Health: An Ecosocial Approach. *Am. J. Public Health* 2012, 102, 936–944.
19. Motti-Stefanidi F., Asendorpf J., & Masten A. (2012). The adaptation and well-being of adolescent immigrants in Greek schools: A multilevel, longitudinal study of risks and resources. *Development and Psychopathology*, 24(2), 451-473. doi:10.1017/S0954579412000090
20. Schmitt M.T., Branscombe N.R., Postmes T., Garcia A. The consequences of perceived discrimination for psychological well-being: A meta-analytic review. *Psychol. Bull.* 2014, 140, 921–948.
21. Wong D., Amon K.L., Keep M. Desire to belong affects Instagram behavior and perceived social support. *Cyberpsychol. Behav. Soc. Netw.* 2019, 22, 465–471.

Babaeva Marina Vladimirovna. E-mail: m.verschinina2010@yandex.ru

Konstantinov Vsevolod Valentinovich. E-mail: konstantinov_vse@mail.ru